

Круммахер Фридрих Адольф

**Нравоучительные повести и
притчи**

Избранные из Круммахера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Ф88

Ф88 **Фридрих Адольф К.**
Нравоучительные повести и притчи: Избранные из Круммахера / Круммахер
Фридрих Адольф – М.: Книга по Требованию, 2022. – 103 с.

ISBN 978-5-519-91292-1

ISBN 978-5-519-91292-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мудрый Наставникъ.

У Гиллела, мудраго учителя въ Израилѣ, былъ ученикъ, по имени Маймонъ, котораго способности и доброе поведеніе очень радовали его. Но вскорѣ онъ замѣтилъ, что Маймонъ слишкомъ много довѣряетъ собственной своей мудрости и совсѣмъ оставляетъ молитву.

Юноша такъ размышлялъ самъ съ собою: «Къ чему молитва? Имѣетъ ли Всевѣдущій нужду въ нашихъ словахъ, чтобы помогать и благодѣтельствовать намъ? И могутъ ли человѣческія мольбы и вздохи перемѣнить опредѣленія вѣчнаго? Всеблагій и безъ нашихъ молитвъ даруетъ намъ то, что благо и спасительно для насъ.» Таковы были мысли юноши.

Гилмелъ былъ очень опечаленъ этимъ, что Маймонъ вообразилъ себя мудрѣе Слова Божія, которое заповѣдуетъ молиться, — и онъ думалъ, какъ бы вразумить его.

Однажды, когда пришелъ къ нему Маймонъ, Гиллель сидѣлъ въ саду подѣ тѣнистыми пальмами, заду-
мавшись и склонивши голову на свою руку. Маймонъ
спросилъ его: «О чемъ ты думаешь, Учитель?»

Гиллель приподнялъ голову и сказалъ: «У меня
есть другъ, который живетъ доходами съ своего поля.
Доселѣ онъ тщательно обрабатывалъ его, и труды
его всякой разъ были награждаемы щедро. Но вдругъ
пришла ему странная мысль, бросить плугъ и оста-
вить свое поле безъ воздѣлыванія. Жаль мнѣ его;
онъ обнищаетъ и будетъ нуждаться.»

Чтожъ такое сдѣлалось съ нимъ? Мрачное ли
негодование овладѣло его душею, или онъ сталъ со-
всѣмъ глупъ? спросилъ юноша.

Нѣтъ, отвѣчалъ Гиллель, онъ довольно свѣдушъ
въ Божественной и человѣческой мудрости и права
кроткаго и спокойнаго. Но онъ говоритъ: «Господь
всемогушъ, такъ легко можетъ дать мнѣ пищу и тогда,
когда я не буду болѣе наклонять головы моей къ
землѣ и воздѣлывать моего поля; и Онъ же благъ,
по этому всегда будетъ благословлять мою трапезу
и отверзать мнѣ щедрую свою руку.» — Что сказать
ему противъ этого?

Какъ? — сказалъ юноша; да не значитъ ли это,
искушать Господа Бога? Сказалъ ли ты ему это,
Раввуни?

Гиллель улыбнулся и сказалъ: «Я скажу ему это. — Ты, любезный мой Маймонъ, ты тотъ другъ, о которомъ я говорю.»

Я? сказалъ юноша и весь измѣнился въ лицѣ. Но старецъ отвѣчалъ: «Не искушаешь ли и ты Господа Бога? Развѣ молитва менѣ значить, нежели работа? И духовные дары маловажнѣе ли полевыхъ плодовъ? Не Тотъ ли, кто велитъ тебѣ наклонять голову къ землѣ для плодовъ земныхъ, — не Тотъ ли заповѣдуетъ тебѣ и воздѣвать ее къ небу для принятія благословенія небснаго? — — — — О, сынъ мой! Смирись, вѣруй и молись!»

Такъ говорилъ Гиллель и смотрѣлъ на небо. — И Маймонъ пошелъ и молился, — и жизнь его была примѣрная.

Алтарь для жертвы.

Одинъ богатый юноша сдѣлался очень болѣнъ и долгое время пролежалъ въ постелѣ; но наконецъ ему стало легче и онъ выздоровѣлъ. Вышедши въ первый разъ въ садъ, онъ былъ, какъ бы новорожденный, полонъ радости и славословилъ Господа громкимъ голосомъ, и въ избытокъ благодарныхъ чувствъ обращая взоръ и сердце свое къ небу, онъ произнесъ: «О Всеблаженный и Вседовольный! Если бы человекъ могъ что-либо воздать Тебѣ; о, какъ охотно отдалъ бы я все мое имѣніе!»

— Эти слова слышалъ одинъ благочестивый старецъ и, подошедши къ богатому юношѣ, сказалъ: «Благіе дары низходятъ свыше; туда послать ты ничего не можешь. Но иди, слѣдуй за мною.»

Юноша послѣдовалъ за благочестивымъ старцемъ, и они пришли въ одну мрачную полуразвалившуюся хижину, гдѣ встрѣтила ихъ ужасная нищета и горестъ. Отецъ лежалъ больной, мать плакала, дѣти были наги и просили хлѣба.

Ужаснулся юноша. Тогда старецъ сказалъ ему:
«Вотъ — здѣсь алтарь для твоей жертвы! Это мень-
шіе братья Господни!»

И юноша простеръ къ нимъ благодѣющую руку, —
и утѣшенные несчастные благословили его и назвали
Ангеломъ Божиимъ.

Но старецъ, улыбаясь, сказалъ ему: «Такъ все-
гда — сначала обращай благодарный взоръ свой на
небо, а потомъ на землю.»

Адамъ и Серафимъ.

Однажды вечеромъ Адамъ отдыхалъ на одномъ холмѣ подъ деревомъ въ саду Едемскомъ, и глаза его устремлены были на небо. Тутъ подошелъ къ нему Серафимъ и сказалъ: «Что смотришь ты, Адамъ, съ такимъ сильнымъ желаніемъ на небо? Чего недостаетъ тебѣ здѣсь?» — «Чего могло бы недоставать мнѣ,» отвѣчалъ праотецъ человѣческаго рода, «въ этомъ жилищѣ мира и радости? Но глаза мои смотрятъ на звѣзды, которыя тамъ вверху блестятъ, — и я желалъ бы имѣть крылья орла, чтобы воспарить къ нимъ и на лучезарныя свѣтила взглянуть вблизи.»

«У тебя есть эти крылья,» отвѣчалъ Серафимъ, и коснулся Адама. Адамъ тотчасъ погрузился въ сонъ, и ему видѣлось, будто онъ поднялся къ небесамъ.

Пробудившись, онъ смотрѣлъ вокругъ себя и дивился, что онъ лежитъ подъ деревомъ. Тутъ подошелъ къ нему Серафимъ и сказалъ: «О чемъ ты думаешь, Адамъ?» Адамъ отвѣчалъ: «Я былъ тамъ вверху

у небеснаго свода, и ходилъ между звѣздами и носился вокругъ Оріона; лучезарные, величественные, подобно солнцу, міры съ шумомъ неслись передо мною; бѣлый путь, который тамъ вверху видишь ты, есть море свѣта, исполненное блестящими мірами, и надъ этимъ моремъ свѣта есть другое и еще другое..... И я видѣлъ существа, подобныя мнѣ, но высшія меня, которыя поклоняются Господу и неумолчно славословятъ великое имя Его Серафимъ! Ты водилъ меня туда?»

Тогда Серафимъ сказалъ ему: «Это дерево осыняло тебя и на этомъ холмѣ покоилось тѣло твое. Но знай, Адамъ, въ тебѣ живетъ Серафимъ, который можетъ пролетать безчисленные ряды міровъ, и чѣмъ выше возносится онъ, тѣмъ глубже смиряется и преклоняется предъ Іеговою. Сынъ праха! Уважай и береги сего Серафима, чтобы похоть не остановила паренія его и земля не оковала его.»

Серафимъ сказалъ, — и исчезъ.

Источникъ исцѣленія.

Въ Дамаскѣ, въ землѣ Арамской жилъ человекъ, по имени Варухъ, который во всей странѣ славился необычайнымъ богатствомъ, такъ что объ немъ обыкновенно говорили : «Справедливо называется онъ Варухомъ, т. е. благословеннымъ.» Онъ обладалъ сокровищами Индіи и Аравіи, жилъ въ великолѣпныхъ чертогахъ, имѣлъ добродѣтельную жену и прекрасныхъ дѣтей ; и не смотря однакожъ на то его сердце не наслаждалось спокойствіемъ и радостію. Каждый день старался онъ умножать блескъ и великолѣпіе въ своемъ домѣ, чтобы сдѣлать его жилищемъ утѣхъ и радостей ; но въ душѣ его было мрачно и уныло. Онъ непрестанно становился угрюмѣе, и сонъ бѣжалъ отъ глазъ его.

Тогда сказалъ онъ наконецъ самому себѣ : «Что мнѣ въ жизни? Что такое могла бы она доставить мнѣ, чѣмъ бы не обладалъ я отъ самаго дѣтства? Я познаю, что все подъ солнцемъ суета, и душа моя ни въ чемъ не находитъ удовольствія.

Погружаясь въ мрачныя думы, онъ наводилъ уныніе на весь домъ и всёмъ былъ въ тягость, такъ что объ немъ говорили: «Его мучить злой духъ.»

Уже помышлялъ онъ прекратить жизнь свою, чтобы избавиться отъ такого мучительнаго состоянія. Но вотъ онъ узнаетъ, что въ городѣ Мемфисѣ, въ странѣ Месраимъ, есть человѣкъ, одаренный отъ Бога такою мудростію, что можетъ давать полезныя совѣты во всѣхъ случаяхъ, — и онъ рѣшается отправиться къ нему за совѣтомъ.

Призываетъ вѣрнѣйшаго изъ рабовъ своихъ, по имени Малха, и говоритъ ему: «Приготовь мнѣ двухъ верблюдовъ и нагрузи ихъ золотомъ, серебромъ и драгоценными каменьями и всѣми лучшими произведеніями Аравіи.» И Малхъ сдѣлалъ, какъ приказалъ ему господинъ его. Тогда Варухъ благословилъ жену и дѣтей, и отправился съ рабомъ своимъ въ Месраимъ.

Двѣ недѣли странствовали они по пустынѣ, но до той страны не дошли. Они сбились съ дороги, и во всей окрестности пустыни не находя нигдѣ источника, томились жаждою. Чтобы сколько нибудь прохладить языкъ, они ночью собирали росу на своихъ одеждахъ и сосали ихъ.

Тогда Варухъ тяжело вздохнулъ и сказалъ: «О какъ охотно отдалъ бы я всё сокровища, которыя со

мною , за стаканъ воды , которая бьетъ въ садахъ моихъ изъ мрамора и пурпура , и всѣ драгоцѣнныя вины въ погребѣхъ моихъ за малый источникъ , который утолилъ бы жажду нашу!»

Такъ вздыхалъ Варухъ. Между тѣмъ день былъ очень знойный, жаръ непрестанно увеличивался, жажда усиливалась, — и они отъ утомленія пришли въ совершенное изнеможеніе.

Тогда Варухъ сказалъ Малху : «Вѣрный рабъ мой и спутникъ ! За тѣмъ ли я привелъ тебя сюда, чтобы ты умеръ изъ-за меня ! Дома всѣмъ былъ я въ тягость своею мрачною задумчивостію , а здѣсь я гублю тебя, вѣрный мой Малхъ. И не смотря на то, ты — какъ агнецъ, все сносишь терпѣливо, ни одной жалобы не слышно изъ устъ твоихъ; ты не ропщешь на своего губителя, который за вѣрность твою повергъ тебя въ такое ужасное положеніе. О Малхъ ! Чѣмъ могу я воздать тебѣ ?» — Такъ говорилъ Варухъ.

Но Малхъ отвѣчалъ : «Какъ же нейти мнѣ за господиномъ моимъ и на смерть ? Не твой ли ѣлъ я хлѣбъ, не твое ли вино пилъ до сего дня ? Если я наслаждался добромъ ; то какъ же не потерпѣть мнѣ и зла. Да сохранить только тебя Господь отъ этого несчастія, и да возметъ душу мою за тебя ! Я одинъ ; а объ тебѣ будутъ плакать жена и дѣти.»